

Проза и поэзия

МЫ БРАТЬЯ, СЕРБЫ!
Й. Джорджевич, А.С. Хомяков, Ф. Тютчев,
иеромонах Роман, Е. Соини —
стихи, посвященные Сербии 2

Андрей Коровин —
ПОЖАР; ЗАМЫСЕЛ,
рассказы 4

Виктор Кушманов —
КОГДА БОЛИТ ДУША...
стихи 18

Анатолий Суржко —
ПРОДЛЕННАЯ ОСЕНЬ,
роман (окончание) 20

Николай Мёдов —
ВСЕ КРУЖАТСЯ МОКРЫЕ ЛИСТЬЯ...
стихи 70

Ольга Корзова —
Я МОЛИЛАСЬ О ЗАВТРАШНЕМ ДНЕ...
стихи 71

Дмитрий Балашов —
ВЕДЬМА,
рассказ 72

Новые переводы

Пентти Хариумаа —
ИСТОРИИ ЗАВИРАЛЬНЫЕ
(Перевод с финского и
вступительное слово Виталия Маслова.
Подстрочник Свена Локко) 82

Детские странички

Надежда Большакова —
СКАЗКИ О ЛАПЛАНДИИ
(Вступительное слово
Виктора Тимофеева) 91

Пушкиниана "Севера"

Михаил Пьяных —
ПУШКИН КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИДЕАЛ 104

Имена и даты

Александр Пашков —
ДРЕВНИЙ ОЛОНЕЦ И ЕГО
ИСТОРИКИ
(К 350-летию основания города) 119

Традиции, обычаи, обряды

Элиас Леннрот —
О МАГИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ
ФИННОВ 128

Искусство

Евгений Калинин —
НАЦИОНАЛЬНОЕ В
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ 133

Критика и литературоведение

Юрий Дюжев —
ХРАНИТЕЛЬ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ 142

Литературные впечатления

Раиса Мустонен —
ПОСЛЕДНИЕ СНЫ
УХОДЯЩЕГО ВЕКА 159

На второй стр. обложки
фото Екатерины Басиной
ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Петрозаводск, "Север", © 1999 г.

О МАГИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ ФИННОВ

В текущем году отмечается 150-летие полного издания “Калевалы”. Эта эпическая поэма, изданная в оригинале или переводах на многих языках мира, вошла в сокровищницу мировой литературы как одно из величайших поэтических творений карельского и финского народов. Широко известным стало также имя Элиаса Леннрота, составителя и соавтора “Калевалы”, замечательного фольклориста, знатока традиционной народной культуры. Основу этой культуры составляла сложившаяся за тысячелетия наука жизни, вобравшая в себя огромный практический опыт освоения сурового северного края. Языческая сакрализация этого опыта способствовала преемственности, а следовательно, и живучести культурных традиций — вплоть до XX века — по крайней мере, у карел.

Э. Леннрот прекрасно понимал значение и место языческих верований и религиозно-магических обрядов в жизни древних финнов (к которым в его времена принято относить и карел), поэтому, составляя “Калевалу”, он органично включил в нее большое количество заговорно-заклинательных рун: в первом издании (1835 г.) — около 2100 строк, во втором — около 3700 строк, значительная часть которых относится к традиционным народным способам врачевания, или, как их назвал Элиас Леннрот, к “магической медицине”.

Далеко не все знакомые с “Калевалой” знают, что великий фольклорист оставил добрую память в народе, особенно на севере Финляндии, как самоотверженный врач, который проработал там — при том уровне развития медицины и фармакологии! — около 20 лет. Так что интерес его к “магической медицине” отнюдь не случаен. Как и тот факт, что именно ей была посвящена его докторская диссертация. Прилагаемый ниже русский перевод его шведского оригинала и переводного финского варианта (1984 г.) был выполнен студентом А. Никитиным в качестве курсовой работы (под руководством нижеподписавшегося). Готовя этот перевод к публикации, мы позволили себе сделать лишь незначительные куτούры и некоторые необходимые для русского читателя уточнения, отмечая их квадратными скобками.

Весьма примечательно, что проявленный Э. Леннротом интерес к языческим (и следовательно, связанным, с точки зрения церкви, с “нечистой силой”) традициям финнов вызвал протесты и упреки со стороны некоторых его современников — борцов за чистоту веры. Конечно, Э. Леннрот был искренне верующим христианином, но это не помешало ему быть не только умным и объективным ученым, но и достойным сыном своего народа, уважающим его историю и культуру...

В предисловии к своей диссертации Элиас Леннрот признает некоторые ее недоработки, оправдывая их своей большой занятостью. Спустя десять лет он опубликовал существенно дополненный вариант работы на эту же тему. Сама по себе диссертация Э. Леннрота, казалось бы, большой научной ценности не представляет, особенно если мерить ее медицинским аршином конца XX века. Однако для своего времени она возвращала в научную медицину одну из основных идей древнего искусства врачевания: лечить следует больного, а не только болезнь.

Ю. СУРХАСКО, этнограф,
кандидат исторических наук

Магическим способам врачевания финны придают более важное значение и ценят их гораздо выше, чем те когда-либо могли заслуживать, ибо в своих рунах выводят их происхождение напрямую от богов.

Существует множество названий для людей, занимающихся лечебной магией [...]. Они указывают на личные особенности врачевателя, его способы лечения и многие другие обстоятельства. Наиболее обычны-

ми являются следующие. Так, tietäjä и tietomies происходят от глагола tietää — “знать, ведать”, и свидетельствуют о том, что (человек) одарен знанием тайн магии. [Tietäjä соответствует русским терминам “ведун”, “знахарь”, “колдун”. Loihitija (от слов luoda и luode — “творить” и “судьба”), по-видимому, изначально относилось к человеку, способному предсказывать судьбу; lukija — “чтец” [заговоров, например].

Осааја происходит от *osata* — “уметь”, “мочь”, следовательно, тот, кто умеет и может. *Laulaja* — “певец”, *runoja* — руно-певец, знаток [заговорно-заклинательных] рун, в которых, как и в песнях, сохранились самые высшие знания магии. *Lumoaja* — (букв.) “околдовыватель”, *puolijumala* — могущественный маг [букв. “полубог”] [...]. *Rorramies*, вероятно, происходит от русского слова “поп”, которое в сочетании с финским словом *mies* — человек, мужчина, означает священнослужителя, то есть того, кто общается с богами, что и является в основном занятием священников. Такие термины, как *myrrys mies*, *infomies*, *innokas*, *haltiokas*, указывают на способность знахаря приводить себя в экстатическое состояние, как это обычно делают маги и *loihtijat* — колдуны. Этим объединяющим финским термином (*loihtijat*) в значениях “знахари”, “колдуны” я и хочу в дальнейшем пользоваться. Название *kukkaromies* могло относиться к знахарям, хранившим свои лечебные снадобы, амулеты и прочие магические предметы в кيسетах — *kukkaro* [...].

Знахари не выделяются среди сельских жителей в какую-либо особую касту или класс. Занятия магическим врачеванием не зависят от пола, так что численность целителей того и другого пола бывает приблизительно одинаковой. Знахарское мастерство чаще всего подолгу сохранялось в определенных семьях или родах, переходя из поколения в поколение, — причины этого могли быть разными. Посвящение неопитов в тайны врачевания происходило в форме разнообразных обрядов. Новичка, например, могли обливать водой на камне посреди речного порога.

Знахари были и все еще встречаются в стране повсюду, однако в южных районах их гораздо меньше. Южный финн обычно считает тех, кто живет севернее, чем он, более сведущими колдунами, а к магическому искусству саамов у нас вообще относятся с очень большим почтением. Это дает основание предполагать, что финская магия частично ведет свое начало от саамов.

Магические песни, которые полагаются знать знахарю, имеют общее название *luvut* — заклинания. Они делятся на два подвида, *supput* — заклинания [с историей происхождения] и *sanat* — заговоры [букв. “слова”].

Помимо песен, знахарь должен был знать и уметь совершать различные таинства и церемонии. Например, особо важное магическое значение придавалось всегда числам 3 и 9. Определенные дни, периоды месяца и года считались наиболее благоприятными для успешного лечения [...]. Соблюдение знахарями этих и подобных условий состав-

ляет техническую сторону магии, так сказать, магический “технизм”. Первоначальным предназначением этих приемов было оказание психического воздействия как на самого знахаря, так и на окружающих, но главным образом — на пациента, что должно было способствовать изгнанию “зла” (*paaha*) и избавлению от болезней. Эффективность такого воздействия бывает разной — в зависимости от различных обстоятельств: в одних случаях пациент просто успокаивается, в других — он погружается в состояние сна (сомнамбулизма), а самочувствие самого знахаря и присутствующих может перерастать в сопереживание и даже довести до состояния аффекта.

Лечебная магия решала две главные задачи, первая заключалась в предохранении от болезней, вторая — в изгнании болезней из больного. Теперь по отдельности рассмотрим ту и другую.

Люди верили, что их всюду подстерегают опасности, которыми угрожают им злые существа — как видимые, так и невидимые. Поэтому постоянно следовало быть готовым к отражению враждебных происков и колдовства. Древнейшими способами защиты были, несомненно, молитвы и жертвоприношения многочисленным божествам, а также колдовство. В подобных ситуациях за помощью обращались чаще всего к таким божествам, как Укко (“Старик”), Вяйнямейнен, Луоннотар (Дочь природы), Пяйвятяр (Дочь солнца), Ахти (один из водяных богов), Хозяин и Хозяйка земли (*Mannun isäntä ja emäntä*), Норон нейто (*Noron neito* — Дева долины) и т.д.

Пожертвования могли быть самые разные: наследственное серебро или золото, сталь и другие металлы, иглы, медные монеты, молоко, соль и т.д.

Финны не строили храмов своим божествам, поэтому у них не было общественных мест для молитв и жертвоприношений.¹ Эти обряды старались исполнять там, где предположительно могли находиться божества. И если каким-то образом удавалось заставить их врасплох, считали, что дело выиграно. Похоже, что наши боги были менее раздражительны, чем греческие и римские боги, которые обычно сильно гневались, когда кто-нибудь их беспокоил.

Многие животные и разные предметы, которые способны причинить человеку

¹ Заявление Э. Леннрота об отсутствии у финнов общественных культовых мест основано, видимо, на сведениях XVIII—XIX вв., когда языческие культы финнов были уже выкорчеваны лютеранской церковью из официальной жизни, — в отличие от карел. (*Прим.ред.*)

вред, могут быть обезврежены при помощи чародейства. К таким животным относились медведь, волк, собака, змея, ящерица, оса и т.д. Заговариванием делали безопасными также ружья, ножи, камни, деревья и пр., что вполне соответствовало древним представлениям финнов о жизни, согласно которым в природе не существует ничего абсолютно мертвого, другими словами, нет на свете ничего такого, что не имело бы собственного духа-хозяина (*genius — haltija*). Обряд заговаривания какого-нибудь предмета или животного имел два варианта: к объекту обращались либо миролюбиво, либо запугивали сердитыми угрозами. Первый вариант позволял ослабить испытываемый объектом испуг, с помощью второго еще больше усиливали страх. Если объект находился во время заговаривания в поле зрения, то на него полагалось смотреть не отрывая взгляда. Но часто все-таки обряд совершался скрытно. Наиболее часто колдуньи пользовались [при обезвреживании потенциально опасных объектов] заговорами, представляющими собой контаминации текстов из обоих вышеупомянутых вариантов обряда. Завершался обряд обычно молитвой какому-нибудь богу.

Для предохранения от опасностей существовало и много других способов. Носили с собой разные амулеты, как, например, четырехлистники клевера, круглые камешки, стальные предметы, кусочки серы, лягушачьи косточки, черепа змей, прах мертвецов; обмазывали свою одежду змеиной кровью, ели мясо змеи, надевали вывернутые наизнанку чулки и рубаху; отправляясь в путь, старались пройти некоторое расстояние не моргнув глазом; некотату, в которой собирались спать, обходили по кругу против часовой стрелки три или девять раз; ничего не ели и не пили из угощения, предложенного человеком, если тот вызывал недоверие.

Человеку могло угрожать не только тайно совершенное вредоносное колдовство, часто он сам мог случайно увидеть или услышать о происках враждебного колдуна, волхва (*velho*) или шамана (*poita*). В таких случаях необходимо было тотчас же или как можно быстрее принимать контрмеры, для успеха которых важно было, чтобы колдун даже не подозревал о них.

Вторая главная задача лечебной магии заключалась в изгнании болезни из пораженного ею человека. Под болезнью (*tauti*) финны понимали вообще нечто плохое [*raha* — слово имеет ряд значений: "плохое", "зло" и "нечистая сила"] или враждебное организму.

Это "*raha*" являлась либо причиненной каким-нибудь богом "божьей болезнью"

(*jumalan tauti*), либо "своей болезнью" (*oma tauti*), или же могло быть порчей, наведенной недоброжелателями, в первом случае речь идет о такой болезни, которая рано или поздно неизбежно настигает организм, и никакие попытки избавиться от нее не спасали, потому что всегда она заканчивалась той смертью, которая в свое время ожидает каждое живое существо (*ajallinen kuolema*). В последнем из названных случаев болезнь можно было одолеть соответствующими способами, в первую очередь, с помощью надлежащих заклинаний в сочетании с определенными обрядами и употреблением разных лекарств.

Прежде чем приступить к лечению болезни, следовало сначала выяснить историю ее происхождения. Именно установлению первопричин болезни посвящалась важная и существенная часть заклинательной песни, которая потому и называется "*synty*" [букв. "рождение", происхождение] в самом узком смысле слова.

Иногда сведения о болезнях, как и предсказания о других делах, добывались гаданием (*агра*), гадали о будущем, например, на воде, пиве, вине и на кофе. Приметами, сулящими несчастье, считались случаи, когда кому-то чудится часто повторяющийся звон, а также если на крыше дома или рядом с ним запоет обыкновенная горихвостка (*motacilla phoenicurus*), все это воспринималось как предвестие несчастья. Эту птицу потому так и принято еще называть "птицей смерти" (*kuolemanlintu*).

Врачевание обычно совершалось в натопленной бане. Предпочтение отдавалось ночному времени, поскольку ночью проще сохранить тайну. Для этой же цели смазывались дверные петли, чтобы их скрипом не привлекать ничьего внимания. Войдя в баню, знахарь произносил: "Здравствуй, пар, здравствуй, тепло, здравствуй, здравствователь!" После этого он доставал из своего кيسета снадобья и все прочее, что требовалось при лечении, втыкал стрелу в пол — в знак того, что готов отразить возможные козни недругов, и, наконец, венником обметал потолок, стены и полук, очищая их от всего, что могло бы навредить больному. Далее он произносил заговор — "слова воды, пара, венника" ("*veden, löylyn ja vastan sanat*"), после которого читался, если не был произнесен ранее, "начальный заговор", который имеет множество вариантов. Их предназначением было довести знахаря до требуемого экстатического состояния (*into*), чтобы тем самым усилить воздействие на больного и присутствующих. В этом заговоре знахарь говорит о силе, данной ему Богом, хвалится своим умением и мастерством и т.д. От все-

го этого он часто действительно впадает в состояние аффекта, о котором в финском языке употребляют выражения *olla innoissaan* или *olla haltioissaan*. Он неистовствует, его голос крепнет, на губах выступает пена, он скрежещет зубами, волосы становятся дыбом, глаза вращаются во все стороны, брови хмурятся, он плюется, корчитя, топает ногами, подпрыгивает и чего только не вытворяет. Утверждают, будто наиболее искусные колдуны могут при желании в любой момент довести себя до подобного состояния, чего я сам не берусь ни оспаривать, ни подтверждать. Однако и то правда, что они часто могут имитировать это состояние и нередко создается впечатление, что все происходит на самом деле: ведь каждая имитация должна опираться на действительность. В связи с этим следует сказать, что знахари не всегда поступают подобным образом — часто они просто неторопливо бубнят свои заговоры, так что даже невозможно расслышать, что они говорят.

Вслед за начальным заговором знахарь произносил единую молитву всем тем богам, чья помощь была ему нужна, после чего приступал к главному — выяснению причин происхождения болезни. Вместе с тем на этой самой ответственной стадии работы знахаря не удовлетворяло знание ближней причины возникновения болезни, он всегда стремился установить самую крайнюю. Так, если надо было лечить ожог, знахарю мало было знать, что ожог причинен огнем. Он непременно должен был узнать, откуда и каким образом возник первый огонь. Если же кто-нибудь поранил себя режущим инструментом, то знахарю необходимо знать историю происхождения первого железа. Те же требования относились и к деревьям, камням, хищным животным, мышкам, комарам и т.д. Колдуну всегда было совершенно необходимо знать их происхождение, места обитания, свойства и образ жизни. Число вредных существ дополнили целые соммы тварей, созданных воображением: *kalma* [kalma — “смерть и т.п.], *хаммасматто* (*hammasmato* — букв. “зубной червь”), *кой* (*ko* — букв. “моль, рак конечностей”), *пайная* (*paipaja* — “кошмар”) и другие тому подобные существа, которых по более поздним представлениям считают виновниками ночных кошмаров. Наряду с ними сами болезни тоже считались живыми существами. В заклинаниях и заговорах подробно описываются истории рождения этих болезней, их заклинают покинуть больного и отправиться к своим родителям и другим родственникам, угрожая в противном случае призвать их к ответу и отправить в более скверное место. Еще ни один патолог не мог представить се-

бе болезни такими живыми, какими с незапамятных времен рисуют их в своем воображении наши предки.

Если знахарь сумел установить первопричины возникновения болезни, то он обычно торжествующе объявляет: “Теперь я знаю твой род, знаю каждый твой волосок (или весь твой облик)”. Существовало, однако, много болезней, первопричину которых было трудно выявить. Тогда сначала проверялись все предполагаемые места происхождения болезни, и, наконец, четыре элемента, так что появлялась, по крайней мере, уверенность в правильности поиска.

После этого врачеватель обращался к самой болезни и строгими, угрожающими словами (*kiistosanat* — “слова спора”) заклинал ее отступить, унося с собой все боли и страдания и указывая места, куда ей следует убраться. Такими местами считались Крайний Север, пустынная Лапландия, земли за горами Турьи, бурный поток Рутья, людоедское море, никогда не оттаивающее болото, кострище Хийси и бесчисленное множество других. Если болезнь была кем-то наведена умышленно, то заклинания отсылало ее туда, где живет этот человек, и там проявлять свою свирепость. Таков один из способов отплатить злоумышленнику той же монетой.

Для каждого болезненного недуга произносились соответствующие “заговоры от болей” (*kipusanat*), отсылая их на “гору болей” (*kipuvuori*). В рунах эта гора, находящаяся, по мнению Ганандера, в Кемском приходе на берегу реки Кемь, изображается следующим образом: на вершине горы возвышается холм, на холме стоит домик, посредине которого бьет родник. В источнике лежит большой камень цвета печени. В центре камня имеется скважина глубиной в 9 сажени. В эту скважину и загоняют боли после того, как их проверят три девы — Кивутар (*Kivutar*), Якятар (*Äkäätär*), Туонетар (*Tuonetar*). Эти девы, живущие на горе Кипувуори, с варежками на руках принимают боли и складывают их в расписные медные лукошки либо в свои передники. Затем боли очищали или обрабатывали, рассматривая и просеивая их, после чего поджаривали на маленькой железной сковородке и наконец прятали в вышеупомянутую скважину.

Если, несмотря на правильное и точное исполнение обряда заклинания, болезнь не хотела уходить, произносился особый “заговор беды” (*häätäsana*). После чего читался “заговор пчелы” (*mehiläisen sana*), так как верили, что пчела полетит за девять морей и оттуда принесет лекарство для больного. В качестве последнего средства обращались с молитвами [заклинаниями] к различным божествам, таким, как “старый Вяйнямейнен”, “маленькая матушка дева Мария” (*pienoinen*

äiti neitsyt Maria), "старая Луоннотар" (Luonnotar), "почтенная гордая Пяйвятяр" (Päivätär), "хозяйка Похъёлы Лоухи" и другие, и просили их дать крепкое, устойчивое здоровье. Но иногда приглашали и "сон с сыновьями", чтобы усыпили [тяжелобольных?] людей.

Я уже упоминал о различных обрядовых церемониях, которые знахарю полагалось совершать. Однако часто использовались и другие приемы. Обычно знахарь дышал [пациенту] на больное место, но не своим собственным дыханием, а благотворным и нежным дыханием Бога. Иногда он также вдвухвал воздух в рот, нос и уши больному. Широко применялся и метод манипуляции [пальпация?], особенно при лечении больных ипохондрией и истерическими недугами, о которых финны употребляют выражение "быть в отрыве" (irralinen) или "оторван изнутри" (olla erin sisältä).

Впрочем, магические способы лечения очень сильно варьировали, потому что каждый знахарь имел всегда что-либо свое, собственное. От подробных рассуждений на эту тему я вынужден воздержаться.

В том случае, когда врачеватель сам не

мог посетить больного, ему необходимо было заполучить какой-нибудь предмет, например, одежду, чтобы выяснить род заболевания. Затем знахарь произносил заговор над лекарством, которое назначал больному и посылал ему для пользования. При лечении знахари чаще всего применяли простые лекарства, как, например, снег, лед, молоко, медь, соль, серу, [древесный] уголь, камфару, скипидар, ладан, смолу, сало, водку, лечебные травы, коренья, такие металлы, как ртуть, серебро, золото и др. К более сложным лекарствам относились отвары, настойки; часто использовались также мази, компрессы, пластыри. А еще применялись змеиный жир, мясо и кожа, толченые кости мертвецов, растертая в порошок древесина из куска дерева, который был взят из церковной стены либо из стены дома, трижды перемещенного с места на место, и прочие средства такого же рода. Обычно эффективность всех средств и снадобий усиливали с помощью заклинаний и заговоров.

Все прочее, что еще можно было бы сказать о врачебном искусстве финнов, я опускаю как не имеющее непосредственного отношения к теме данной работы.

*Перевел с финского и шведского А.НИКИТИН,
студент 4 курса факультета прибалтийско-финской
филологии и культуры Петрозаводского университета.*
